

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРА

УДК 82–14

Алпатова Т.А.

Московский государственный областной университет

ПОЭТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА (1828–1832)*

Аннотация Статья посвящена исследованию эстетических принципов Лермонтова. Поэзия 1828-1832 гг. рассматривается как отражение взглядов автора на творчество, на природу поэтического дарования, а также судьбу поэта в мире людей. Эстетическая система Лермонтова-романтика охарактеризована с точки зрения категории потусторонности; для поэта творчество носит трансцендентный характер, что проявилось на различных уровнях текста, от особенностей построения лирической ситуации первоначальной инициации поэта до общих закономерностей построения картины мира в его стихах.

Ключевые слова: М.Ю. Лермонтов, поэзия, поэтология, трансцендентное, философская лирика.

T. Alpatova

Moscow State Regional University

LERMONTOV'S POETOLGY (1828-1832S)

Abstract. The article is devoted to the aesthetic principles of Lermontov. Lermontov's poems of 1828-1832s are seen as a reflection of the author's views on creativity, on the nature of poetic talent, as well as the fate of the poet in the world. Aesthetic system of Lermontov is characterized in terms of the categories of transcendent; for the poet creativity is of a transcendent character, which was manifested at various levels of the text, from the characteristics of the construction of a lyric situation of poet's initiation to the general laws of constructing a picture of the world in his poems.

Keywords: M. Lermontov, poetry, poetology, transcendent, philosophical poetry.

Одним из активно развивающихся сегодня направлений в изучении литературы стало исследование её поэтологической доминанты – специфической разновидности творческого самоосмысления, самовыражения и самооценки. Анализируя её, мы получаем уникальную возможность «увидеть» поэзию «гла-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №12-34-10216.

© Алпатова Т.А., 2014.

зами поэта», и благодаря этому суждения об эстетике и поэтике, об авторском замысле конкретного текста и творческой интенции поэта в целом обретают истинную укорененность в самой его художественной системе. Представляется, что особый интерес в этом случае приобретают не только стихотворения с отчётливо выраженной поэтологической проблематикой (хорошо известные со школьных лет «стихи о поэте и поэзии»), но именно тексты, в которых собственно поэтологическая тема возникает вследствие органичного развития лирической ситуации самопознания – возможно, в своих истоках не предполагающей размышлений «о роли поэта и предназначении поэзии». В эпоху индивидуально-творческого типа художественного сознания [1, с. 3-38], в творчестве поэта истинного самопознание в той или иной своей части неизбежно «разворачивается» до познания собственного творческого дара; в особенности справедливым представляется это для поэтов-романтиков, сделавших свободное творческое самовыражение целью жизни, а поиск путей этого самовыражения – определяющим поэтическим мотивом [7, с. 236-241].

Именно в этом ключе представляется интересным взглянуть на ряд стихотворений М.Ю. Лермонтова. Анализ поэтологической лирики Лермонтова в ранней период творчества поэта привлекателен и сложен по многим причинам. Сам исповедальный характер лермонтовской лирики естественно пробуждает интерес к её поэтологическому потенциалу – неважно, проявившемуся в тексте непосредственно или оставшемуся на уровне более общего лирического переживания «поисков

себя»: ведь, так или иначе, это «поиск себя», осуществляемый поэтом и тем самым обретающий особый ценностный статус. Однако «юность» как одно из определяющих качеств «самосознающего Я» Лермонтова [9, с. 94-101], неизбежно предполагает динамику, ощущение зыбкости пока не устоявшегося мира, в том числе и процесса «самосознания» в поэтологических категориях. Стремясь осознать себя, лермонтовский человек осуществляет это самосознание в первую очередь «поэтом» – но, не зная пока, кто он, этот юный человек не может постичь до конца и того, кто же такой поэт и что представляет собой поэзия как предмет его жизни и служения. Отсюда неизбежная реминисцентность этой сферы лермонтовского творчества (особенно в стихах до 1832 г.) [3, с. 23-48; 5, с. 49-90], отсюда же – изобилие общеромантических поэтологических мотивов, трансформация которых и позволяет судить о своеобразии взгляда юного Лермонтова на роль поэта и предназначение поэзии.

Значение этой проблематики применительно к изучению творческого наследия Лермонтова чрезвычайно велико. По сложившейся на сегодняшний день традиции предметом исследования поэтологических мотивов преимущественно является лирика XX века [10; 11] – применительно же к более раннему периоду, особенно к поэзии, связанной с нормативно-традиционалистским эстетическим сознанием, исследовательская мысль обращается значительно реже: по видимому, именно вследствие «реминисцентного» характера поэтологической топики и её глубинных корней, уходящих в античную традицию и, сле-

довательно, «снимающих» вопрос об индивидуально-авторской поэтологии А.Д. Кантемира и В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова, Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина и др. Юный Лермонтов, разумеется, представитель иной поэтической эпохи, но и применительно к его ранним стихам об их поэтологическом потенциале обычно не говорится. Между тем, как представляется, именно в этой сфере художественного наследия поэта могут быть намечены пути анализа, продуктивные для филологического исследования поэтологической лирики как особого художественного феномена в целом.

В круг проблем, которые могут быть предметом его изучения, входят прежде всего состав мотивов и поэтическая «фразеология», которая воплощает поэтологическую топику, – её изучение предполагает также оценку оригинальности/традиционности воплощения; степень автобиографизма (или, напротив, «фикциональности», «традиционности») «самосознающего Я» поэта; специфика выстраивания лирической «ситуации письма»; автометатекстовый потенциал лирики как своеобразной формы «понимания» собственной поэзии (её источников и традиции; жанровой природы, обращённости к читателю или же, напротив, «закрытости» для него; особенностей собственной поэтики и т. п.); и наконец, авторское видение поэзии как особой ценностной категории в её высшем телеологическом значении. Все эти мотивы, безусловно, присутствуют в лирике юного Лермонтова, и притом не только в таких признанных шедеврах, как «Нет, я не Байрон, я другой...», «Безумец я! Вы правы,

правы!..», «Ангел», «1831-го июня 11 дня»; представляется возможным ставить вопрос о целостном характере поэтологической системы на этом этапе лермонтовской творческой эволюции – пусть и с учётом принципиально не установившегося, динамического её характера.

В этой поэтологической системе преобладают несколько мотивов: размышления о возможности / невозможности воплотить в слове истинную жизнь души юного человека; проблема обращённости поэзии к сочувствующему читателю – возможно ли обрести его, может ли поэзия получить отклик; наконец, попытки осмыслить истинный источник поэзии и её высшее телеологическое значение. Сравнительно меньшее значение имеют мотивы поисков лирической «ситуации письма», авторской «маски»/лица и самоописания творческого акта в его «формальной» закреплённости (категории большего-меньшего в данном случае имеют как чисто количественный характер, так и относительный – в сравнении с более изученным и в этом смысле «эталонным» набором поэтологических мотивов в лирике юного Пушкина).

Лермонтовская поэтология начинает формироваться с осознания, что же такое поэт. Отсюда такое настойчивое желание представить некий законченный «портрет» человека, одарённого способностью воплотить в слове «душу», закрепить «блеснувшую мысль», «сердечные волнения» (см. два одноименных стихотворения – «Портрет»). В духе романтической поэтологии лермонтовский «поэт» «звуком громкой лиры // Чарует свет...» [8, с. 12], «поёт, забывшись в райском сне»

лишь в состоянии вдохновения, которое скоро проходит. Потому его «портрет» может быть в равной мере «поэтическим» («власы на нём как смоль черны. // Бледны всегда его уста, // Открыты ль, сомкнуты ль они, // Лиют без слов язык богов...» [8, с. 24]) и прозаическим: «Он добр, член нашего Парнаса, // Красавицам Москвы смешон, // На крыльях дряхлого Пегаса // Летает в мир мечтанья он...» [8, с. 25].

«Портрет» поэта изредка может диктоваться жанровой традицией, значение которой уже в ранней лермонтовской лирике постепенно сводилось к минимуму: так, можно найти некие устойчивые черты образа поэта в жанровых модификациях дружеского послания, элегии, альбомного стихотворения и т. п. Однако наиболее последовательно осмысление сущности творческого дарования происходит в произведениях Лермонтова, освобождающихся от узнаваемых примет того или иного «классического» жанра, в которых главным скрепляющим текст началом становится «самосознающее Я» поэта – познание природы этого «Я», его психологической и онтологической сущности и становится основой лермонтовской поэтологии.

Её основания складываются уже в ранний период творчества поэта, и в дальнейшем совершенствуются, не столько трансформируясь во что-то иное, сколько развивая тот потенциал, что уже был заложен в первых поэтологических прозрениях автора. Их основу можно определить следующим образом: в лермонтовской лирике, соотносимой с поэтологической проблематикой, формируется органическое единство мотивов самопознания – постижения мироздания – и в конечном

итоге, богопознания. Природа этого единства, в свою очередь, обуславливается особым вектором в лермонтовской эстетике и поэтике – вектором движения к потустороннему.

Постепенное осознание этого вектора и его значения для лермонтовского творчества можно считать одним из определяющих для развития лермонтоведения – словно это и есть та главная загадка, которую оставил поэт своим исследователям. Возможность приблизиться к разрешению этой загадки – своеобразная «мера методологического развития» историко-литературной науки, обращённой к феномену личности и творчества Лермонтова. Не только литературно-критическая, но и научная мысль всё более последовательно и системно говорит об обращённости лермонтовского творчества от земного к небесному, от времени к вечности, от материальной реальности к реальности высшей, «потустороннему».

Открытость этой сфере бытия и рождает в творчестве всякого писателя ощущение «вероятно<го> существовани<я> трансцендентного, нематериального, вневременного, благорасположенного, упорядоченного и приносящего порядок бытийного пространства» [2, с. 10]. Оно *почти* закрыто для земного опыта и с невероятным трудом может быть выражено в словах – что, по-видимому, более всего сближает это парадоксальное жизненное ощущение с романтической поэтологией, в значительной степени строившейся на идее недостижимости желанного идеала, к тому же невоплотимого в слове:

*Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей*

*Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей*

Возвышенных я чувствую, но слов

Не нахожу, и в этот миг готов

Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь

*Хоть тень их перелить в другую
грудь [8, с. 177-178]*

Это юношеское признание Лермонтова, как и всё стихотворение, в контексте которого оно было высказано («1831-го июня 11 дня»), может прочитываться практически как свидетельство о постоянном, не отпускающем человека, почти физическом чувстве соприсутствия потустороннего. Именно в этом оказывается исток *романтической* природы его дарования: «Моя душа, я помню, с детских лет // Чудесного искала. Я любил // Все обольщенья света, но не свет, // В котором я минутами лишь жил... [I, 177]; (ср.: «Как часто силой мысли в краткий час / Я жил века и жизнь иную, / И о земле позабывал...» [I, 177]; «...все образы мои <...> / Не походили на существ земных. / О нет! всё было ад иль небо в них...» [I, 177]; «Но для небесного могилы нет...» [I, 178] и др.). В стихотворении оно предстает именно как интуитивное прозрение, но не философская мысль, как почти физическое ощущение потусторонности – не случайно, по свидетельству Лермонтова, наиболее живо это состояние посещает человека в момент практически внерационального созерцания:

Иногда,

На берегу реки, один, забыт,

Я наблюдал, как быстрая вода

Синея гнётся в волны, как шипит

Над ними пена белой полосой;

И я глядел, и мыслию иной

*Я не был занят, и пустынный шум
Рассеивал толпу глубоких дум.*

*Тут был я счастлив... О, когда в я мог
Забывать что незабвенно! [I, с. 179].*

Источником этой способности лермонтовского человека ощущать в земном отблески и отзвуки потустороннего оказывается некая таинственная черта духовной биографии поэта, которая позволила Д.Л.Андрееву говорить о нём как о «человеке помнящем», а В.С. Асмусу выделить особую чуткость «к довременному, вечному» [4, с.109].

Речь идёт о стихотворении «Ангел», диапазон толкований которого чрезвычайно широк – от автобиографического контекста детских воспоминаний Лермонтова о матери до непосредственно метафизического истолкования, – и тайна этого стихотворения оказывается свидетельством не только о неизбежной драме души в её земном воплощении, но и особой природе поэзии:

По небу полуночи ангел летел

И тихую песню он пел;

И месяцы, и звёзды, и тучи толпой

Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов

Под кущами райских садов,

О Боге великом он пел, и хвала

Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нёс

Для мира печали и слёз;

И звук его песни в душе молодой

Остался – без слов, но живой... [I, с. 230].

Как отзвук рая, песня ангела остаётся недостижимым (...звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли»), но бесконечно манящим

идеалом прекрасного. Таким образом, сама природа поэзии осмысливается Лермонтовым как потусторонний в своих истоках феномен.

Своеобразной реализацией этих поэтологических интенций становятся многие стихотворения Лермонтова – как начала 1830-х гг., так и последних лет жизни поэта. Ощущение особой «надмирной» природы поэзии возникает уже в ранних стихах юного Лермонтова, соотносимых как с традицией «лёгкой» поэзии («Цевница», «К Гению», «Пан»), так и с идеалом романтической «потусторонности», свойственной духовным устремлениям исключительной личности. В зависимости от поэтической топики, характерной для каждой из этих традиций, становление поэта может происходить в идиллической либо в возвышенно-романтической атмосфере, но так или иначе «святое вдохновенье» нисходит из высшего, божественного источника и определяет отныне существование юного поэта:

*Я здесь был рождён, но нездешний
душой...*

О! зачем я не ворон степной?..
(«Желание», 1831) [8, с. 192].

Особо значимой в системе лермонтовской поэтологии представляется категория поэтического дара – и в связи с нею проблема источника истинной поэзии, соотношение полюсов добра и зла в осмыслении её природы, а также понятий выразимого / невыразимого (общеромантический эстетический потенциал которых у Лермонтова ещё усиливается благодаря крайне интенсивной жажде быть понятым и услышанным, и в то же время неверию в возможность достичь этой мечты).

Уже в первых стихах, связанных с постижением природы поэзии, лер-

монтовский человек прозревает, что источник дара может быть различным (ср. поэтологический потенциал стихотворений «Ангел» и «Мой демон») – как «песня» Ангела, так и «образ совершенства», «луч чудесного огня» (318), открываемый человеку демоном. Однако подлинное «блаженство» открывшегося полного знания и владения поэтическим даром уже в ранних лермонтовских стихах осмысливается не только в категориях онтологии и эстетики, но и особой этики – источник полноты бытия и познания, подлинной творческой силы и вдохновения – источник небесный, Бог:

Когда б в покорности незнания

Нас жить Создатель осудил,

Неисполнимые желанья

Он в нашу душу б не вложил <...>

Он не позволил бы искать

В себе и в мире совершенства,

Когда б нам полного блаженства

Не должно было вечно знать... [8,

с. 222]¹.

Таким образом, категория «дара» в лермонтовской поэтологии раскрывается именно как реализация стремления к инобытию высшему, как способность достигать его – силой поэтической мечты, бескомпромиссной готовностью отрешиться от привычных ценностей земного существования, что в конечном итоге и делает поэта подлинно «избранником», а его поэзию – истинным подобием творящего Слова.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцев П.А., Михайлов А.В. Категории поэтики в смене литературных

¹ Ср. стих. «Звуки», «Мой дом», «Унылый колокола звон», «Звезда» и др.

- эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 3–38.
2. Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / пер. с англ. Н.А.Анастасьева. СПб.: Алетей, 1999. 320 с.
 3. Аринштейн Л.М. Реминисценции и автореминисценции в системе лермонтовской поэтики // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 23–48.
 4. Асмус В. Круг идей Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. 1. (Лит. Наследство. Т. 43/44).
 5. Вацуро В.Э. Литературная школа Лермонтова // Лермонтовский сборник. Л.: Наука, 1985. С. 49–90.
 6. Киселёва И.А. О познавательностно-ценностном подходе к творчеству М.Ю. Лермонтова: телеология текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». М., 2013. № 6. С. 82–87.
 7. Курилов А.С. Теория романтизма в русской критике 2-й пол. 20-х – нач. 30-х гг. // История романтизма в русской литературе. [Вып. 2]. М.: Наука, 1979. С. 236–241.
 8. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954-1957. Т. 1. 452 с.
 9. Мурашов А.А. Самосознающее «я» в юношеской лирике М. Ю. Лермонтова // Проблемы развития русской лирической поэзии XVIII—XIX веков и её взаимодействие с прозой: межвузовский сб. науч. трудов. М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1985. С. 94-101.
 10. Тростников М.В. Поэтология. М.: Грааль, 1997. 192 с.
 11. Федотова С.В. Поэтология Вячеслава Иванова: монография. Тамбов: ТОГО-АУ ДПО «Институт повышения квалификации работников образования», 2012. 293 с.